

Страницы истории

ХАННА АРЕНДТ: СУЖДЕНИЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

О.В. Шудра *

Ханна Арендт, по мнению западных специалистов, является одним из ведущих политических мыслителей, но, к сожалению, это имя остается малоизвестным для отечественной аудитории.

Родившись в 1906 году в городе Линден близ Ганновера, Ханна Арендт выросла в Кенигсберге, городе, тесно связанном с именами великих людей, символизирующих интеллектуальные и культурные традиции, сформировавших ее жизнь: Иммануил Кант, немецкий философ, и Мозес Мендельсон, родоначальник западного еврейского Просвещения. Училась Арендт в университетах Фрайбурга, Марбурга, Гейдельберга. Ее учителями были Мартин Хайдеггер, Эдмунд Гуссерль и Карл Ясперс. Под руководством Ясперса в 1929 году Арендт защитила диссертацию «Любовь у святого Августина». Назревавшие в Германии события заставили Арендт переосмыслить немецкие и еврейские, в то время демонстративно непримиримые, традиции, чтобы критически рассмотреть развитие культурного симбиоза, на основе которого определялась жизнь немецких евреев.

После прихода нацистов к власти она вынуждена выехать в Прагу, затем в Женеву и, наконец, во Францию. В течение восьми лет, проведенных в Париже, Арендт принимала участие в антинацистском Сопротивлении, работала в женской международной сионистской организации, помогая немецким евреям эмигрировать в Палестину. Во Франции Ханна Арендт начинает работу над фундаментальным исследованием истоков нацизма и современного антисемитизма, ставшим впоследствии основой не только ее всемирно известного труда «Происхождение тоталитаризма», но и всей ее дальнейшей работы по политической философии, а также ее понимание современного политического мира.

* Преподаватель Саратовского кадрового центра при Президенте РФ, аспирантка кафедры политологии Саратовского экономического института.

В период «странной войны» Арендт, еврейку по происхождению, но уроженку Германии, помещают в лагерь для интернированных. После оккупации Франции по фальшивым документам ей удается перебраться в США. Американский период жизни — это период расцвета ее творчества, ее признания, а Соединенные Штаты стали страной ее второго гражданства.

Арендт никогда не стремилась к ортодоксальной академической карьере. Будучи профессором Нью-Йоркского центра «Еврейская культура в изгнании», средства на жизнь она получала больше от своих научных трудов, чем от академических постов. Ведущие университеты США (в Беркли, Принстоне, Чикаго) приглашали ее читать лекции. Именно в Соединенных Штатах Арендт нашла восприимчивую, обеспокоенную вопросами морали аудиторию для исследовательского анализа вьетнамской войны, «уотергейта», ставшими для политической жизни страны поворотными. Ее человеческая, сформировавшаяся на основе личного опыта точка зрения дала возможность увидеть безнравственность политического обмана, не преувеличивая его амбиций и не преуменьшая его значения.

Арендт была удостоена ряда престижных премий, среди которых премии З. Фрейда, Германской академии наук, Зоннинга, присуждаемой за выдающийся вклад в развитие европейской цивилизации. Последним научным трудом Ханны Арендт стала книга «Жизнь разума» (1975 г.), философская трилогия о мышлении, воли и суждении, которая не была закончена.

Все ее творчество теоретика политики, философа выражает ее позицию, отношение к политическим проблемам современности, с которыми Арендт столкнулась в собственной жизни благодаря своей принадлежности к еврейскому народу. Тем не менее это не означает, что ее творчество основывается просто на проекции собственной жизни на современный мир в целом. Напротив, в своих работах она обращалась к кризисным явлениям нашего времени: нацизм, империализм и тоталитаризм, крах политической культуры гражданства, геноцид, отсутствие ответственности человека за политическое зло.

Во многом непонятая современниками, Ханна Арендт как мыслитель, возможно, более актуальна сегодня, чем раньше. Ее рассуждения о демагогическом содержании таких утверждаемых и пропагандируемых «национальных добродетелей», как «любовь к отечеству», «мужество», «верность», за которыми скрывается, как правило, склонность к неверности и оппортунистическому предательству, а также ее рассуждения о так называемом «национальном вопросе» проецируются на наше время, когда в мире не утихают локальные национальные войны, когда разгул агрессивного сепаратизма и международного религиозного терроризма становится повседневной явью.

Арендт сожалеет о том, что, отшатнувшись от «идеи человечества» (в какой бы форме — религиозной или гуманистической — она ни выступала), люди оказываются все более приверженными расовым доктринам, отвергают заложенную в идее «единого человечества» всеобщую ответственность.

Возможность реализации «идеи человечества» она видит на двух уровнях: сначала на индивидуальном, а затем на политическом. «Ибо идея человечества, очищенная от всякой сентиментальности, ведет к очень важному политическому следствию, а именно: мы в том или ином виде должны взять на себя ответственность за все преступления, совершенные людьми; народы должны нести ответственность за все злодеяния, совершенные народами. Стыд, что ты человек, и есть вполне индивидуальное и неполитическое выражение данного понимания»¹. Этот принципиальный стыд, который испытывают сегодня многие люди различных национальностей, есть то единственное, что осталось от чувства международной солидарности. Ханну Арендт тревожит, что политически «идея человечества» не нашла никакого реального выражения, хотя именно эта идея, из которой нельзя исключить ни один народ и внутри которой никому нельзя присудить монополию на порок, является единственной гарантией порядка, при котором ни одна «высшая раса» не будет считать себя обязанной следовать природным законам «права сильного» и истреблять «низшие, нежизнеспособные расы».

По своим взглядам Арендт была одновременно и консервативной, болезненно переживая нарушение традиций, и в то же время радикальной, выражая фундаментальную интеллектуальную и моральную приверженность к критической независимости даже ценой того, что в результате этого она превращалась в изгоя. Тем не менее такая позиция является следствием сохранения веры в себя и истину в том виде, в каком она ее видела. Пример тому — книга Ханны Арендт о суде над Эйхманом.

Адольф Эйхман — нацистский преступник, руководивший 4-м отделением группы IVB гестапо. Это отделение занималось так называемым «окончательным решением» еврейского вопроса, реализацией особо засекреченного плана полного уничтожения евреев в Европе. Программа предусматривала охватить этим «окончательным решением» 11 млн. евреев².

На службе Эйхман характеризовался как скрупулезный, трудолюбивый и образцовый специалист. В 1934 году 27-летний нацист приехал в Германию, где сделал блестящую карьеру, начав служащим картотеки СД (оперативно-разведывательной службы нацистской партии) и став впоследствии руководителем специальной службы гестапо. Ему, непосредственно ответственному за смерть миллионов людей, после краха фашистской Германии удалось надолго скрыться от ответственности за свои преступления, которые

в соответствии с Уставом Международного военного трибунала в Нюрнберге квалифицировались как тягчайшие международные преступления против человечности. Только 13 мая 1960 г. в Буэнос-Айресе Эйхман, проживавший под фамилией Клемент Рикардо, был схвачен агентами израильских спецслужб и тайно переправлен в Израиль. Эйхман предстал в Иерусалиме перед судом, публичные слушания в котором начались 11 апреля 1961 г. и закончились 15 декабря. Вердикт — смертный приговор.

Судебный процесс над Эйхманом был одним из крупнейших процессов над нацистскими преступниками, состоявшихся за пределами Германии и вызвавших большой резонанс во всем мире.

Ожидалось, что на процессе Эйхмана «будут вскрыты в полном объеме нацистские преступления, в частности связанные с планом полного уничтожения еврейского населения, что будет установлена ответственность соучастников Эйхмана, названы их имена и приняты меры к привлечению их к уголовной ответственности»³.

Израильский суд в силу политических, а также других причин, связанных с особенностями своего национального судопроизводства, изобиловал рядом судебных ошибок. Всячески отклоняясь от обсуждения этих вопросов, суд больше сосредоточивал внимание на персонализации зла Эйхмана. Все эти недостатки судебного процесса, а главное — фигура самого Эйхмана, не могли пройти мимо внимания Хааны Арендт, которая присутствовала на процессе в качестве корреспондента журнала «Нью-Йоркер». В пяти статьях, которые впоследствии вошли в одну из известных книг «Эйхман в Иерусалиме. Заметки о банальности зла» (1963 г.), она показала собственное видение «банальности зла» Эйхмана, отличное от того, чему она была свидетелем на процессе.

В ходе процесса Эйхман подтвердил те не постижимые для человеческого разума данные о жертвах еврейского народа, о которых мир впервые узнал во время суда в Нюрнберге, данные, которые в виде обычных канцелярских отчетов Эйхман представлял для доклада нацистскому руководству о ходе выполнения программы «Окончательное решение». Было доказано его непосредственное участие в планировании и координировании операций по выполнению этой программы. На процессе были допрошены 109 свидетелей, из них 98 человек, проживавших в Израиле, проведено 121 заседание, протоколы которых составили две тысячи страниц. Судом были приведены важные доказательства нацистских преступлений Эйхмана и его сообщников, документально представленные Венгрией, Польшей, Чехословакией и ГДР.

Обвинение представило Эйхмана в образе бесчеловечного монстра. Сам же он утверждал, что в своих деяниях был обычным бюрок-

ратом. Большинство присутствовавших на процессе так и восприняли его — наполовину монстром и наполовину бюрократом. Но если принять представление об Эйхмане как о монстре, то его злодеяния и злодеяния всех нацистов нужно считать чем-то потусторонним, внезапно ниспосланным с небес на погибель человечеству. В этом случае невозможно объяснить, по каким причинам все произошло и что следует сделать, чтобы предотвратить это чудовищное зло. Более того, стереотип монстра косвенно предполагает оправдание всех, кто участвует во зле и кто не считает себя монстром. Однако если Эйхман был неизбежным продуктом бюрократии, то пришлось бы признать его заявление, что он не несет ответственности за свои поступки. Фактически стереотип бюрократа оправдывает всех, кто участвует во зле, при условии что сама организация зла — бюрократическая.

Существует и третий стереотип: эйхманы этого мира представляют определенный тип — авторитарную личность культурного архетипа послушного немца. Хотя нет необходимости непосредственно обсуждать этот тип, должно быть ясно, что он столь же неприемлем, как и вышеуказанные. Он успокаивает мышление: это не может случиться со мною, поскольку я — не авторитарная личность, и это не может случиться здесь, поскольку мы — не послушные немцы. Если Эйхман не может быть представлен в образе монстра, бюрократа, авторитарной личности, послушного немца, следовательно, он представляет собой нечто обычное и общее, присущее человеческому обществу.

В своей книге «Происхождение тоталитаризма» Ханна Арендт описывает нацизм как «радикальное зло», а в работе «Эйхман в Иерусалиме», изменив свое мнение, называет его «банальным злом». Она приписала несомненное зло нацизма рядовым людям, а не монстроподобным индивидуумам, хотя они бесспорно играли значительную роль, и дегуманизированной системе, зовущейся бюрократией, хотя она и была одним из факторов, внесшим свой вклад в это зло. Для Арендт Эйхман представлял обычных людей, которые были гарантом стабильного существования общества и государства при нацизме и советском сталинизме. Тоталитарная машина уничтожения приводилась в действие не фанатиками, не авантюристами, не садистами, не сексуальными маньяками, а нормальными, добропорядочными, законопослушными гражданами⁴. Без согласия столь многих простых людей поступки ни монстров, ни бюрократов не были бы так эффективны.

Одно из самых общих положений политической науки заключается в том, что политическая власть может осуществляться лишь с добровольной поддержки по крайней мере некоторой части управляемых, даже если они являются преторианской гвардией. Данную мысль Давид Юм сформулировал как первый принцип управления.

Правители могут получать поддержку через выборы, заговоры, всякого рода альянсы, а также выражение интересов отдельных групп. Многие писатели пытаются объяснить, как режимы зла получали эту добровольную поддержку. Повторяя три вышеприведенных стереотипа, ими выдвигаются и собственные объяснения, нашедшие широкую аудиторию и избежавшие жесткой критики, которой подверглись социальные и исторические объяснения. Так, Игнацио Силоне признал абсурдность фашизма как очевидное и приписал его успех страху. Джордж Оруэлл, чей образ Океании оказал наибольшее влияние на воображение современников, видел в нравственном двоемыслии источник такой готовности подчиняться.

Напротив, проведенный Арендт анализ посредственности Эйхмана предполагает, что режим не нуждается в добровольной поддержке населения и даже не нуждается в преторианской гвардии. Хотя принуждение, страх и двоемыслие находят себе применение, но той инертности обыкновенных людей, когда они не думают и не имеют суждения, вполне достаточно, чтобы поддержать даже самые варварские режимы. Результатом этой инертности является согласие с этой системой, но не добровольная поддержка режима. Ни двоемыслие, ни страх, ни принуждение не смазывают колеса тоталитаризма так, как это делает отсутствие мышления.

Защита Эйхмана в Иерусалиме повторила сценарий защиты генерала Йодля в Нюрнберге, построенной на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком и что задача солдата не заключается в том, чтобы выступать в качестве судьи действий своего старшего командира — это дело истории или Бога. По существу, защита опиралась на доктрину «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 нюрнбергского Устава Международного военного трибунала не могла быть использована как довод защиты, но могла рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия. Но Трибунал по отношению к Йодлю не признал доводы защиты смягчающими, мотивируя тем, «что участие в совершении этих преступлений никогда не требовалось ни от какого солдата и что он не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений»⁵. Ходатайство о помиловании было отклонено.

Фактически прощение Йодля о помиловании не соответствовало существующему немецкому законодательству и прецеденту⁶. В 1921 году германский Верховный суд заслушал и отказал в такого рода прощении двум офицерам ВМФ, которые подчинились приказу убивать спасшихся с потопленного судна. Это осуждение никогда не было аннулировано. Более того, германская армия име-

ла полевой учебник, который декларировал, что каждый солдат несет ответственность за свое собственное поведение. Это одно из стандартных положений, направленных на поддержание дисциплины и на предотвращение мародерства и грабежей. Ни один солдат в армии под командованием Йодля не был обязан слепо подчиняться тому, что он требовал для самого себя. Право судить было предоставлено не Богу, не истории, а трибуналу, и исход был определен. Йодль и другие были приговорены к высшей мере наказания. А тот факт, что Эйхману пришлось выбрать ту же линию защиты, которая подтвердила свою обреченность, указывает не только на его отчаяние, но и на ущербность его суждения. Эйхман представлял себя в качестве мелкого подмастерья. На всем протяжении его допроса и показаний свидетелей он заявлял, что он ничего не рещал, а был орудием в руках сильных и могущественных.

Поскольку официальное заявление, сделанное в суде стороной ответчика по поводу слепого повиновения, не было приемлемо из-за прецедента в Нюрнберге, обвинение в Иерусалиме могло бы вменить в вину Эйхману преступления, совершенные им как исполнителем бюрократа, но обвинение делать этого не стало. Вместо этого Эйхмана представили как олицетворение зла. Это был портрет фанатичного немца и убежденного антисемита. Так же его изображали и главные нацистские преступники в Нюрнберге, чтобы показать себя в более выгодном свете. Тем не менее суровые наказания, определенные для этих подсудимых, указывают, что Нюрнбергский трибунал не пришел к заключению об ответственности за все приписываемые ему преступления. Но репутация его «демонической» личности шла впереди него, и в Иерусалиме, по-видимому, исходили из посылки, что Эйхман был всего лишь монстром, способным совершать такие чудовищные преступления, виновным в смерти сотен тысяч людей. Поэтому большей частью Эйхмана обвиняли в намерениях, чем в реальных делах.

Но даже самые убежденные сторонники способности человека быть дьяволом едва ли могли увязать такую сатанинскую характеристику с внешним обликом сидящего перед ними Эйхмана — маленького, серого, незначительного, «страшно и ужасающе нормального человека»⁷. Такое несоответствие преступлений Эйхмана его облику было очевидно. Однако каждый, кто следил за процессом, в то же время отрицал, что Эйхман был «пигмеем»⁸, предпочитая логическую последовательность обвинения реальности. Если его преступления по масштабности содеянного требовали профессионализма и преданности, следовательно, он должен обладать или обладал ими, несмотря на всю видимость обратного.

Только Арендт приняла всерьез самопонимание Эйхмана как человека без низменных мотивов, человека, который сознательно

выполнял свой долг. Затем она задается вопросом: «Что в этом человеке не так? Мог ли он отличать хорошее от плохого?» Она утверждает, что Эйхман не был ни демоническим антисемитом, как утверждало обвинение, ни архетипом бюрократа, что утверждалось самим Эйхманом. Скорее он был личностью, лишенной способности «делать суждения» или даже видеть, что суждение необходимо. Это как раз и является «банальностью зла».

Хотя книга Ханны Арендт об Эйхмане вызвала бурю протеста и негодования в еврейских кругах Европы, Америки и Израиля, справедливости ради следует отметить, что большая часть полемики касалась ее представления о роли евреев в их собственном разрушении. Арендт обвиняли в антисемитизме и даже в потворстве нацистским преступникам. Ее даже «отлучили» от еврейства, тем самым показав всему миру, что «эйхманизм» не имеет национальных границ и является всеобщим феноменом.

Арендт предприняла попытку обстоятельно охарактеризовать личность Эйхмана. Он не был интеллигентным, почти не имел образования. Его показания свидетельствовали о недостаточности профессионализма. По собственному признанию Эйхмана, единственным его языком был канцелярский. Более всего в Эйхмане Арендт поражали отсутствие какого-либо самостоятельного мышления и почти полная неспособность выражать свои мысли при помощи свободного от штампов языка. Пытаясь оправдать себя, Эйхман заявлял на процессе, что он якобы спасал тысячи евреев, по его мнению — лучший «биологический материал», при наличии свидетельств обратного. Это была лишь выгодная сделка между нацистами в лице Эйхмана и верхушкой Венгерского комитета по спасению евреев, в результате которой была выторгована свобода нескольким тысячам состоятельных евреев взамен на полмиллиона жизней других, отправленных в Освенцим⁹.

В служебном рвении Эйхман изо всех сил стремился подавить в себе «нормальное знание» того, что евреи такие же люди, как он сам. Арендт отмечала, что, когда он посещал лагеря смерти в Чельме, Минске, Трешлинке, он ужасался, но при этом старался сдерживать отвращение к своим преступлениям. Несмотря на наличие моральных установок, Эйхман не предпринимал ни малейшей попытки противодействовать плану «Окончательное решение».

Как уже говорилось, многие изображали Эйхмана архетипом бюрократа: усердный, послушный, преданный своему делу и организации, воспринимающий неповиновение начальникам в качестве преступления худшего, чем уничтожение евреев. «Эйхмановская бесчувственность» главным образом относилась к его бюрократической ментальности. Таким образом, его чудовищные преступления являются доказательством того, что бюрократия является

воплощением потенциального зла. Поэтому предположение о том, что Эйхман был бюрократом, противоречит нашему пониманию бюрократии.

По мнению Ханны Арендт, Эйхман не может быть продуктом долголетней бюрократической службы в правительственном учреждении, и неверно было бы говорить о нем как о бюрократе вообще. Дело в том, что он никогда не был государственным служащим, а был лишь офицером СС незначительного ранга. Да, действительно, он вступил в СС в надежде сделать карьеру. Но СС не была каким-то другим правительственным учреждением и, соответственно, не являлась моделью бюрократического функционирования как внутри организации, так и вне ее. Правда, во время своей службы в СС и на процессе Эйхман продемонстрировал расчетливость и эгоизм. Его первейшим интересом было продвижение по службе и зарплата, а никакие долг или антисемитизм.

Что же касается понимания бюрократии, то в знаменитом перечне десяти характерных черт бюрократии, составленном Максом Вебером, нет и намека на то, что всякое правило находится за рамками рефлекторного суждения о правильном и неправильном, чего нельзя сказать об организации СС. Нет никаких эмпирических оснований для предположения, что бюрократия раболепно применяет правила без даже самого незначительного проявления благоразумия или что такие правила в работе являются «стопроцентным предписанием». Существует много свидетельств о сопротивлении нацистам в правительственных учреждениях, исходившем от тех, кто занимался обычной канцелярской работой. Клерки, представляющие наиболее емкий стереотип бюрократа, в отличие от службиста Эйхмана, не меньше других были способны рассуждать и сопротивляться.

В «Пентагоновских бумагах» Арендт подчеркивает, что даже самая бюрократическая из систем необязательно является бесчестной, аморальной и эгоистичной. В большинстве случаев она склонна называть бюрократию, которую понимает как обезличенное правление, в качестве одной из двух больших бед современной жизни. Однако в этом особом случае Арендт неохотно признает, что «зла бюрократии» недостаточно для объяснения «бездумности» ведения Соединенными Штатами вьетнамской войны. Беды не в системе, а в людях.

Несомненно, нет гарантий против зла банальности. Х. Арендт отмечала, что крах порядочного общества нельзя отсрочить существованием верных, благородных людей. Те, на кого можно положиться при подобных обстоятельствах, не являются людьми, которые дорожат ценностями и твердо придерживаются норм морали и стандартов. Скорее всего здесь более надежными будут сомне-

вающиеся и скептики. И не потому, что скептицизм — это хорошее или полезное сомнение, а потому, что такие люди «обычно всесторонне рассматривают явление и предметы и сами принимают решение».

Трудность суждения об Эйхмане состоит в необычности его преступления. Если преступление в нашем понимании является нарушением индивидуумом существующих законов, то в данном случае сами законы были преступными. Так, Эйхман мог утверждать, что если бы он не повиновался, то его сознание беспокоило бы это неповиновение законам. То, что сознание индивидуумов, подобных Эйхману, направленное на повиновение законам, приводило их к противоречию с существующими в обществе нормами морали и нравственности, по мнению Арендт, является нравственным крахом XX столетия в Европе.

Естественно, отмечает Арендт, не все были связаны сознанием такого рода: те немногие, кто еще был способен отличать правильное от неправильного, прислушивались только к своим собственным суждениям, действовали свободно, хотя не было правил, которым надо было следовать и при которых частные случаи не имели своих прецедентов. Но как может индивид судить о правильном и неправильном, не полагаясь на правила?

В последние годы жизни Ханна Арендт вернулась к рассмотрению этих вопросов в своей работе «Жизнь разума». И спустя 10 лет после публикации «Эйхмана в Иерусалиме» она была уверена в радикальности данных вопросов, решение которых не терпит отлагательств.

Для Арендт жизнь разума состоит из трех автономных, но взаимодействующих функций: мышление, воля и суждение. Начиная с Сократа, западная философия судила о частностях, ссылаясь на универсалии. Эти суждения частного детерминированы универсальным. Когда о поведении человека говорили, что он храбрый, благочестивый, мудрый, Сократ не спрашивал об истории этого человека, а задавался вопросом о том, что такое храбрость, благочестие, мудрость. Сократ учил: чтобы называть что-либо прекрасным, у нас априори должна быть мысль о том, что прекрасное существует независимо от того, осознаем ли мы это или нет. Восприятие этих идей стало программой западной философии, но, по мнению Арендт, теория Сократа о двойственности мира — частных вещей и универсальных идей — интеллектуально потерпела крах в XIX столетии, а с точки зрения морали — в XX. Мы потеряли универсалии, но не потеряли привычку мыслить таким образом, когда единственно рациональным способом мышления о частном является способ ссылки на универсалии. Сегодня, пишет Арендт, мы все еще предпочитаем думать в их понятиях. Результатом такого процесса является бездумная

воля, и Эйхман для Арендт выступает образцовым примером недумавшей, лишенной способности к суждению личности. Эйхман представляет типичный случай дегуманизованного существа, возвратившегося в стадо животных. Это робот, механически исполняющий приказы. Он полностью лишен персонального мышления и использует только стереотипы; у него деперсонализировано все — чувства, идеи, действия. Универсалии, обычно признаваемые в качестве ограничений, такие как традиция, природа, Бог, естественный закон, нация, идеология, утеряны. Эти трансцендентальные ценности уступили место временности индивидов. Индивидуальная жизнь сейчас является мерой всех вещей. Такой крутой поворот XX столетия частично является следствием ускоренного темпа изменений и отчасти обусловлен хрупкостью нашего мира. Некогда мы считали, что потребуется гневный Бог, чтобы разрушить мир, а теперь отдельная личность может разрушить мир в результате случайности. В таком мире никакая нация больше не представляет твердой почвы для суждения о человеческом действии.

Утрата универсалий явно проявляется в релятивизме нашего времени, в обстановке которого большинство людей не способно выдвигать свои нравственные суждения. Тем не менее экстремистские политические действия — революция, терроризм — получают одобрение. Для Арендт этика индивидуумов без универсалий является утверждением «силы, создающей правила», и того, что этики вообще не существует. Принятие ряда правил, будь то слова фюрера или идеология, не является никакой альтернативой, поскольку правила могут быть неправильными сами по себе, нецелесообразными или злоупотребляемыми.

Альтернативой является суждение. Суждение — это «обретение дома в мире, где не на что сослаться, мире без универсалий». Оно является утверждением ценностей, которые больше не предписаны трансцендентальной реальностью.

Арендт обратилась к «Критике суждений» Иммануила Канта, чтобы судить о ценности, которая не является ни объективным фактом, ни субъективным утверждением. Она ставит вопросы: можно ли судить о частном без ссылки на всеобщую концепцию или универсальное правило, а также может ли такое суждение иметь ценность за рамками самого суждения о предмете, независимо от других людей?

Рефлекторное суждение является суждением без абсолютного правила. Мы имеем суждение вкуса, когда говорим: «Это прекрасно». Суждение является чисто эстетическим, поскольку оно напрямую берется из опыта.

Проведем аналогию традиции общего права. Допустим, что рефлекторное суждение имеет место, когда присяжные объявляют, что

справедливо в деле, хотя ни один из них не знает, что есть справедливость. Тогда справедливость развивается посредством казусов, подобно тому как вкус развивается посредством изучения образцовых моделей. При этом мы должны постоянно делать отдельные суждения: что такое мужество, красота, справедливость, добро и зло? Такие суждения отличны от научных утверждений, которые берутся, чтобы быть моделями сократовской мысли при ее движении от универсалий к частностям.

Согласно Канту, когда мы сталкиваемся с объектом, мы реагируем субъективно, говоря: «Это мне нравится», а не говорим объективно: «Это хорошо». Субъективное утверждение «мне нравится это» или равносильное ему «мне кажется» не требует ничего от других. Тем не менее слова «это прекрасно» выражают требование к другим. Это утверждение подразумевает не только то, что это нравится мне, но и то, что эта вещь будет и должна нравиться другим или каждому. Не существует никакого противоречия, если мы говорим о чем-либо: «Мне нравится это», а вы говорите о том же, что «это вам не нравится». Но противоречие появляется, когда мы утверждаем, что эта вещь прекрасна, а вы — нет. Так требуется суждение о прекрасном. Делая данное суждение, мы принимаем мнение других или каждого, но не судим, как судили бы другие или как в нашем представлении они бы судили. В этом случае это было бы эмпатией, а не суждением.

Не способный на суждения, Эйхман по сути был частным лицом, занятым созданием хорошей жизни для себя и своей семьи. Для Арендт частное лицо в дихотомии частного и публичного так отделилось от публичного, что перестала существовать всякая связь между ними. Частное лицо не только оставляет моральное сообщество, но и разрушает его. Когда занимаемая публичная должность вынуждает его убивать, человек не считает себя убийцей, поскольку он совершает преступление не по личным мотивам и не по своей склонности, а в силу профессии. Если бы в своем действии человек руководствовался чистой страстью, «он никогда не обидел бы даже мухи»¹⁰. Основным мотивом преступных действий человека в условиях тоталитаризма выступает, по мнению Арендт, не стремление к власти, зависть, трусость или какие-либо другие пороки человеческой природы, а «бездумность». Определяя данное явление как «банальность зла», Арендт никоим образом не снимает вины с нацистских преступников, в чем ее неоднократно обвиняли. Она ошеломляет своим выводом о всеисильности зла, которое содержится в каждом из нас и сделало возможными чудовищные преступления тоталитарных режимов.

Эйхман не мог размышлять, следовательно, не мог генерировать суждения. «Кабинетный убийца» Эйхман, покинувший на время

моральное сообщество, по мнению Арендт, был «сомнамбулой». И для таких, как он, одним из самых общих оправданий было заявление о выборе меньшего зла. Арендт не может принять такое оправдание, полагая, что те, кто оправдывает свои аморальные поступки «меньшим злом», «быстро забывают, что именно они выбрали зло». Для нее столь небезызвестный принцип «цель оправдывает средства» является еще одним «бездумным» способом избежать суждения, но не способом избежать быть осужденным.

Арендт интересуется не совершение зла ради добра, а злоупотребление идеей «меньшего зла» — тоталитаризмом. Заявление ответчика в суде о совершении меньшего зла создает ситуацию, когда те, кто участвовал в политике зла, мог обвинить тех, кто отказался принимать участие, в безответственности¹¹. Заявление: «Мы, кого обвинили сегодня, фактически являемся теми, кто оставался на рабочем месте, чтобы предотвратить еще худшее» есть попытка частичного оправдания¹². Исходная готовность совершать «меньшее зло со всей ответственностью» ведет к возрастанию необходимого зла. «Уничтожению евреев предшествовало последовательное нарастание направленных против них мер, каждая из которых была воспринята положительно, поскольку отказ привел бы к еще более худшему, пока не возникла ситуация, когда ничего более худшего уже случиться не могло»¹³. Тем не менее опора на идею «меньшего зла» стала непоколебимой. По мнению Арендт, отказ сотрудничать со злом, даже в случае большого риска, произошел не потому, что мир должен был быть изменен к лучшему, а потому, что только на этом условии отказавшиеся могли продолжать жить в ладу с самими собой.

Человек может судить о частностях, при этом не подводя их под общие правила, которым можно научиться, чтобы впоследствии они превратились в привычки. Арендт описывает такую рефлекторную процедуру следующим образом: «В суждении вы говорите спонтанно, что этот человек храбрый, не исходя при этом из каких-либо общих правил. Если бы вы были греком, то в глубинах вашего мозга возник бы образ Ахилла. Опять-таки необходимо воображение: вы должны представить Ахилла, хотя на самом деле он отсутствует. Если мы говорим о ком-то, что он добрый, то в уголках нашей памяти возникает образ святого Франциска и Иисуса из Назарета. Суждение имеет иллюстративную действенность настолько, насколько правильно выбран пример»¹⁴.

Спонтанное обращение к примерам зависит от их предыдущего выбора, который стимулируется мышлением. Личность готова делать отдельные суждения спонтанно при наличии более раннего представления о том, что такое храбрость, справедливость, добро и зло. Когда Арендт задается вопросом «что есть мышление?», она в качестве примера для ответа избирает Сократа. Ответ на вопрос «что хорошо,

что плохо?» прежде всего будет зависеть от выбора общества, в котором мы желаем провести свою жизнь. И это общество выбирается на основе осмысления исторических, литературных образов и примеров из жизни. Для Арндт таким обществом являются великие греки.

Если не упражняться в суждении, то оно атрофируется. Такая атрофия сделала возможными чудовищные преступления Эйхмана. Отсутствие мышления у Эйхмана дает нам возможность объяснить тоталитаризм, а не объясняется им. Эйхманизм является отказом формировать моральные суждения не потому, что долг бюрократа обязывает быть аморальным и монстр безнравствен, а потому, что Эйхман не способен к суждениям. Пока существует такая возможность, когда политический разум человека перестает действовать, а человеческая потребность в справедливости погибает, вина лежит на всех, некому выносить приговоры, не остается никого, кто может судить. «Ибо с этой вины, — говорит Ханна Арндт, — сняты даже видимость, даже лицемерное подобие ответственности»¹⁵.

¹ Арндт Х. Отец семейства в роли убийцы. Новое время. — 1993. — № 13. — С. 58.

² Буллок А. Гитлер и Сталин. — Смоленск, 1994. — Т. 2. — С. 400.

³ См. Алексеев Н. Ответственность нацистских преступников. — М., 1968. — С. 59.

⁴ См. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. — N.Y., 1956. — P. 338.

⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. — М., 1957—1961. — Т. 7. — С. 491.

⁶ См. Jackson M. The responsibility of judgement and the judgement of responsibility. Hannah Arendt: Thinking, Judging, Freedom. Ed. by G. Kaplan and C. Kessler. — Sidney, 1989. — P. 44.

⁷ Arendt H. Eichman in Jerusalem. A report of the Banality of evil. — N.Y., 1963. — P. 276.

⁸ См. Canovan M. The Political Thought of Hannah Arendt. — L., 1974. — P. 46.

⁹ Пшибыльский П. Между виселицей и амнистией. — М., 1985. — С. 17.

¹⁰ Arendt H. The Jew as Pariah. — N.Y., 1979. — P. 234.

¹¹ См. Kateb G. Hannah Arendt: Politics, Conscience, Evil. — Oxford, 1984. — P. 87.

¹² Arendt H. Personal Responsibility Under Dictatorship. The Listener. — 1964, Aug. 6. — P. 186.

¹³ Ibid. — P. 186.

¹⁴ Yound-Bruehl E. Hannah Arendt: For Love of the World. — L., 1982. — P. 269.

¹⁵ Арндт Х. Отец семейства в роли убийцы//Новое время. — 1993. — № 13. — С. 58.